

УДК 1:3; 930.1; 316.012; 316.422; 316.423.3

РЕВОЛЮЦИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ИСТОРИИ

Н. С. Розов

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск),
nrozov@gmail.com

Аннотация. Рассматривается роль революций в двух взаимосвязанных контекстах: смысла истории и модернизации. Смысл истории трактуется как успех исторического испытания в построении систем крупных формальных институтов и организаций (*Gesellschaft*), обеспечивающих благоприятные условия для развития разнообразных малых, основанных на доверии и солидарности сообществ (*Gemeinschaft*), для полноценной жизни каждого человека. Этот социальный идеал, хоть выглядит утопично, но служит маркером гуманистичности политико-правовых устройств разных обществ. Глобальное испытание происходит в условиях возобновляющихся трудностей и препятствий: от дефицита ресурсов до группового эгоизма, конфликтности и неизбывных соблазнов к гегемонии, насилию и эксплуатации. Показана сложность роли основных линий модернизации: двойственность бюрократизации и капиталистической индустриализации в отношении продвижения к успеху данного испытания, тогда как секуляризация, демократизация и обеспечение творческой свободы вполне способствуют успеху. Революции в разных условиях ведут либо к расчистке путей для тех или иных процессов модернизации, либо тормозят их, блокируют, даже обращают вспять. Революции оказываются самыми действенными, но и самыми противоречивыми явлениями, как в плане модернизации, так и в плане смысла истории как глобального испытания человеческого рода.

Ключевые слова: социальные революции, смысл истории, социальная эволюция, модернизация, бюрократия, секуляризация, капитализм, индустриализация, демократизация, *Gesellschaft*, *Gemeinschaft*, гуманизм, свобода, достоинство.

Для цитирования: Розов, Н. С. (2021). Революции и гуманистический смысл истории. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 35-49 DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.35-49

REVOLUTIONS AND HUMANISTIC MEANING OF HISTORY

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk)
nrozov@gmail.com

Abstract. The role of social revolutions is considered in two interrelated contexts: the meaning of history and modernization. The meaning of history is interpreted as a success of the historical self-test of humanity in building large intra- and interstate systems of formal institutions and organizations (*Gesellschaft*) that would provide the most favourable conditions for the development of various small informal, based on trust and solidarity communities (*Gemeinschaft*) and for a full value (free, worthy and meaningful) life of individuals of the current and future generations. This global historical self-test needs to overcome the harsh obstacles: from scarcity of resources to group selfishness, inescapable temptations to hegemony, conflict, violence, and exploitation. Modernization with its five main lines occurs to be extremely significant for the historical success of the global self-test. Bureaucratization and capitalist industrialization are ambiguous, while secularization, democratization and ensuring of creative freedom fully correspond to the meaning of history thus understood. Revolutions interact with the main lines of modernization in

a complicated way. They destroy old bureaucracies and create new ones, lead to secularization or its reversal, contribute to the development of capitalism or destroy the markets of the capital, labour and land, lead societies to democracy or to even greater authoritarianism, open up freedom to cultural creation or suppress it. Revolutions are the most effective but also the most controversial phenomena, both in terms of modernization and in terms of the meaning of history as a global self-test of the human race.

Key words: social revolutions, the meaning of history, social evolution, modernization, bureaucracy, secularization, capitalism, industrialization, democratization, *Gesellschaft*, *Gemeinschaft*, humanism, freedom, dignity.

For citation: Rozov, N S. (2021). Revolution and humanistic meaning of history. *Respublica Literaria*. Vol. 2. № 2. С. 35-49. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.35-49

Достаточно ли научного взгляда на революции?

Социальные революции не случайно являются излюбленной темой историков и социологов. Историю интересуют изменения, социологию – социальные порядки. Ничто так ярко и драматично не изменяет социальные порядки как революции. Для синтетической дисциплины – исторической макросоциологии – революции всегда находятся в центре внимания, поскольку являются переломными моментами в развитии обществ, в социальной эволюции.

Научный подход к исследованию революций имеет свои преимущества, поскольку позволяет сосредоточивать внимание на конкретных деталях, последовательности событий, расстановке сил, характеристиках героев и противников революций, а в теоретическом плане – на моделях, закономерностях, механизмах конфликтной динамики. При этом можно отвлекаться от таких щекотливых и смутных материй, как справедливость революционных идей и требований, (не)оправданность насилия, прогрессивность или регрессивность революций, наконец, место и смысл революций в мировой истории.

Но ведь сами революции всегда нагружены ценностями, идеями, идеалами, они играют исключительную роль в общественном развитии, поэтому осмысление революций в философии истории и социальной философии не менее значимо, чем их научное изучение.

Философы размышляли о революциях, начиная с Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Гегель, К. Маркс, М. Бакунин, П. Кропоткин, А. Грамши, Д. Лукач, члены Франкфуртской школы, Х. Арендт осмыслили роль революций в истории. Сейчас интерес философии к революциям сохраняется разве что в остаточных марксистской и анархистской традициях. В большинстве западных справочников тема «философии революций», как правило, сводится к пересказу идей все тех же авторов. В современной философии нет обоснованного, признанного общего осмысления природы и роли революций в мировой истории.

В данной работе попытаемся прояснить следующие моменты: определение социально-политических кризисов и революций, характер их связи с модернизацией и ее линиями (автономными процессами) в контексте гуманистического смысла истории, понимаемого как перманентное самоиспытание человеческого рода на способность к защите жизни, свободы и достоинства каждого индивида.

Социально-политический кризис и революция – определение базовых понятий

Любые политические режимы переживают неприятности, в том числе, различные формы выражения недовольства населения властью и порядками, нелояльности элит, индивидуальных эксцессов, терроризма, групповых протестов, мятежей разного уровня массовости. Где провести границу, после которой интенсивность низовых протестов, недовольства и фронды элит уже следует квалифицировать как социально-политический кризис или революцию?

Воспользуемся классической тойбианской схемой «вызов-ответ» [Тойнби, 1991]. Каждый сколько-нибудь серьезный протест представляет собой вызов для режима. Если стандартные ответные действия (подкуп, переговоры и уступки, запугивание, репрессии и т. д.) гасят протест, то настоящего кризиса не возникает. Если же они приводят только к усилению протестов, росту недовольства властью и режимом, то следует говорить о наступлении социально-политического кризиса.

Теперь уже этот новый виток массового возмущения, конфликтности требует нового типа ответа от правящей группы. В зависимости от адекватности этого ответа кризис может быть подавлен, умиротворен, либо продолжится углубление кризиса, что уже чревато революцией.

Итак, социально-политический кризис в государстве – это конфликтный период, когда низовые протесты и недовольство элит настолько сильны, что их не удастся погасить обычными действиями со стороны режима, поскольку они приводят к подъему и расширению протестов и недовольства.

Сложнее дело обстоит с определением революций. Может ли политический режим после революции (даже подавленной) остаться тем же? Нет. Революция действительно предполагает существенную трансформацию режима. Но что именно в политическом режиме считать существенным? Многого ведь остается прежним. В ходе революции непременно переживают преобразование (трансформацию) отношения и устойчивые системы правил (институты) политического взаимодействия. Если такого превращения нет, то нет и революции. Кроме того, полезным является соотнесение революции с государственным режимом и социально-политическим кризисом (не бывает революций вне государства и без кризиса) и через кризис – с конфликтом как родовым понятием. Революция – это всегда острая стадия кризиса, отличительной чертой которой является реальная угроза свержения власти (удавшегося или нет).

Получаем следующее определение.

(Социальная) революция – это возможное следствие социально-политического кризиса государственного режима с таким уровнем обострения конфликта, что из-за массовых протестов и восстаний власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуются отношения и институты политического взаимодействия.

Смысл истории как самоиспытание человеческого рода

Проблеме смысла истории была посвящена другая работа [Розов, 2016, с. 235–252], поэтому, опуская обоснования, буду пользоваться здесь результатом уже проведенных рассуждений.

Мировая история предстает как перманентное самоиспытание человеческого рода, критерий успеха которого связан с обеспечением полноценной жизни людей, при учете дефицита ресурсов и неустранимой конфликтности интересов.

Гуманистический смысл истории (то, что И. Кант называл «планом Природы» [Кант, 1994]) состоит в поиске и построении таких структур взаимодействия между людьми и способов нашего существования в природном окружении, которые обеспечивают полноценную (защищенную, свободную, достойную, осмысленную) жизнь для каждого человека в каждом поколении. Этот социальный идеал, хоть выглядит утопично, но служит маркером гуманистичности политико-правовых устройств разных обществ в разных цивилизациях и эпохах. Глобальное испытание проходит при условиях сосуществования нередко конфликтующих обществ, групп с широким разнообразием стремлений, когда ресурсы ограничены, население растет, потребности людей увеличиваются, а интересы сталкиваются.

Понятый так смысл истории вполне соответствует идее и принципам гуманизма, но с упором на труднейшие задачи построения социальных и техно-экологических систем с вышеуказанными требованиями относительно жизни каждого индивида, причем через преодоление перманентных и крайне неблагоприятных препятствий для этого. Поэтому идейным основанием данной версии смысла истории является гуманизм преодоления.

Такая позиция во многом перекликается с известными версиями «светского», «планетарного», «универсального», «глобального» гуманизма, с этикой ненасилия [Гусейнов, 1992; Куртц, 2000; Чёрный, 2003]. Различие состоит в том, что гуманизм преодоления не претендует на универсальную идеологию для повсеместного распространения, тем более, для дискредитации каких-либо религий, верований. Вместо этого, скромное признание неизбежности широкого разнообразия ценностных систем, в том числе, религиозных, сочетается здесь с упором на необходимость через формальные правила и институты последовательно преодолевать препятствия мирного сосуществования сообществ разного масштаба для свободной, достойной жизни каждого человека, во что бы он ни верил.

Последующее рассуждение привело к результатам, в которых актуализируется классическая пара Фердинанда Тённиса *Gesellschaft* (социальные системы с холодными, безличными отношениями, основанными на формальных правилах и нормах) и *Gemeinschaft* (малые сообщества с теплыми, личными отношениями, основанными на солидарности, доверии, неформальных правилах).

Главным историческим испытанием оказывается способность обществ создать и «настроить» такие *Gesellschaft* (системы городского и регионального управления, государства с их учреждениями, международные структуры и союзы разного рода), которые предоставляли бы наиболее благоприятные условия для развития разнообразных малых *Gemeinschaft*, обеспечивающих полноценную жизнь индивидов. При успехе испытания

крупные *Gesellschaft* ответственны за поддержание таких правил взаимодействия малых *Gesellschaft* и *Gemeinschaft* с природным окружением (от потребления вещества и энергии до утилизации отходов) и между собой, чтобы всевозможные социальные и природные угрозы приводили к минимальному ущербу для жизни людей, их свободе, достоинству, ценностям.

Все без исключения революции являются испытаниями, поскольку революционеры и восставшие жаждут справедливости, достоинства, проявляют, как могут, свою свободу, уверены, что их действия, поступки, риски, жертвы осмыслены, надеются на успех, хоть и далеко не всегда его достигают.

Способствуют ли революционные повороты успеху глобального испытания человеческого рода (гуманистическому смыслу мировой истории) или подрывают его?

Контекст социальной эволюции

Оставляем открытым вопрос о революциях в обществах ранней государственности. Отнюдь неслучайно волны революций охватывают Европу в начале перехода от зрелой к сквозной государственности (к режимам с распространением бюрократического учета, контроля, фискальных, рекрутских, образовательных и прочих служб до каждого подданного или гражданина). Таковы восстания вкупе с религиозными войнами периода Реформации, которые включают уже несколько успешных революций, – там, где победили протестанты [Тилли, 2009; Голдстоун, 2015].

Если в XVI–XVII вв. настоящие революции (согласно данному выше определению) происходили только в некоторых странах Западной Европы (германские государства, Нидерланды, Англия), то начиная с «Атлантической волны» (Американская и Французская революции конца XVIII в.) весь XIX в. и весь XX в. полны революциями уже почти по всему миру. «Арабская весна» 2011-2012 гг., продолжающиеся конфликты и войны в Ливии и Сирии, а также известные события в Грузии, Украине, Кыргызстане, Таиланде, Боснии, Венесуэле, Каталонии, Гонконге, Чили, Армении, Беларуси показывают, что в XXI в. глубокие социально-политические кризисы и революции отнюдь не прекратились.

В плане больших структур мировой истории все революции происходят в основной период сквозной государственности и при этом существенно меняют режимы. Значит, для понимания их исторического смысла нам требуются более тонкие различия. Поэтому обратимся далее к понятию «модернизация», под которой здесь будем понимать совокупность следующих относительно долговременных линий – автономных исторических процессов [Коллинз, 2015, гл. 4–5]:

- бюрократизация (рост и разветвление государственных структур, берущих на себя функции прежних традиционных – патримониальных и общинных – институтов);
- секуляризация (смещение церкви и религии с центральных позиций в сфере культуры, морали, легитимации власти, образования и проч.);
- капиталистическая индустриализация (распространение машинного производства при использовании открывающихся рынков капитала, земли и рабочей силы);
- демократизация (развитие коллегиального разделения власти, конституционализма и расширения избирательного права).

В дополнение к теме секуляризации добавим еще один момент:

- рост творческой свободы в культурном производстве, ведущий к беспрестанному обновлению стилей и жанров (авангардизму в широком смысле), когда происходят частичные возвраты к прежним традициям, их синтез, рефлексия над ними, ирония, но не ригидное окостенение канонов.

Модернизация, с одной стороны, «пробивала себе дорогу» через революции, с другой стороны, вела к международным и внутривосточным кризисам, к войнам, к соответствующему ослаблению и делегитимации государств, что способствовало революциям, которые либо приводили к дальнейшей модернизации обществ, либо сталкивали их в контрмодернизацию по одной, нескольким или даже по всем линиям.

Бюрократизация – стержень модернизации

Бюрократизация как проникновение государственных структур и порядков в недра общества обычно замещает прежние традиционные институты патримониального (формирующегося вокруг «больших домов», поместий) или общинного характера (внутри родственных кланов, крестьянских миров, городских соседств, каст, сословий).

Бюрократизация европейских обществ Нового времени как начало перехода к эпохе сквозной государственности представляет собой неуклонное усиление и расширение роли формальных *Gesellschaft*, вытесняющих традиционные патримонии (роды, кланы), личные патрон-клиентские отношения, локальные соседские общины, всегда имевшие свойства неформальных *Gemeinschaft*. Этим определяется принципиальная двойственность бюрократизации в отношении гуманистического смысла истории.

Огромное множество взаимодействий индивидов и групп может регулироваться безличными формальными правилами, поддержанными государственной бюрократией, в том числе правоохранительной системой, единой системой судов. Таким образом, благодаря бюрократизации выстроен весьма солидный фундамент для успеха исторического испытания.

При этом сама бюрократия была выращена, а затем стала расти (разрушая или подминая под себя прежние традиционные структуры) отнюдь не в целях увеличения свободы, счастья и благополучия индивидов. Изначально бюрократизация была инструментом геополитической конкуренции великих европейских держав, а затем бюрократические принципы и практики показали свою эффективность почти во всех сферах жизни обществ: от систем образования и здравоохранения до тоталитарного контроля над умами и массовых репрессий [Тилли, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011].

Всегда бюрократизированные *Gesellschaft* насущно необходимы для успеха исторического испытания, но сами они должны быть существенно ограничены там, где препятствуют защищенности, свободе и достоинству человека. Вмешательство государственной или международной бюрократии в частную жизнь индивидов, в семьи, в любые *Gemeinschaft*, в свободное общение между ними может быть оправдано, только когда необходимо защитить те же жизнь, здоровье, достоинство.

Несколько сложнее обстоит дело с бюрократическим регулированием обменов и рынков (экономических и не только), которые, между прочим, также суть проявление

свободы и свободного общения между людьми. Здесь оправданием вмешательства служат защита участников от жульничества, а также неизбывные фискальные нужды всех государств. Допустимые рамки вмешательства в демократических обществах устанавливаются как результаты парламентского торга и ротации власти.

С этих позиций рассмотрим (весьма пунктирно, разумеется) историю бюрократизации и роль революций в ней.

Революция и бюрократия: те, кто рожают и губят друг друга

Революции возникают при слабости и провалах государственной бюрократии, а побеждают при падении легитимности власти, при недостаточной лояльности, мощи ее силовых структур, их решимости защищать режим.

Сутью «абсолютизма» было расширение функций и полномочий центральной бюрократии (тогда – королевской администрации) за счет захвата, отвоевания политических, силовых, экономических, символических ресурсов у землевладельческой аристократии. В XVIII в. абсолютистскими становятся крупнейшие и сильнейшие европейские монархии, в число которых вошли Швеция, Россия, Пруссия и Австрия.

Однако все эти события и процессы оставались в рамках формирующего периода эпохи сквозной государственности. Что же стало началом основного периода – триумфа обществ данного типа? Что привело к уверенному победному шествию образцов новой эпохи не только в одном регионе, но и во всем мире?

Здесь открывается значимость Французской революции, а также оправданность титула «великий государственный деятель» для Наполеона Бонапарта.

Идеи нации, гражданства, гражданского равенства стали широко распространяться как раз со времени Французской революции. Поскольку сословия были отменены, ни аристократии, ни духовенству нельзя было доверять дел нации. Для этого стало необходимым большое, разветвленное, всепроникающее государство. Именно в данном пункте прежние абсолютистские институты и практики соединились с республиканскими и демократическими преобразованиями.

Наполеон стал великим в масштабе истории не столько талантами военачальника, сколько внушительными успехами в государственном строительстве. Он хоть и вернул страну от республики к монархии (став императором), но сумел за короткое время с помощью талантливых помощников выстроить настолько разумную и эффективную для того времени государственную систему, что даже полностью проиграв в военном и политическом аспекте, сделал французское государство образцом почти для всей Европы. Достаточно указать на роль «Наполеоновского кодекса» для законодательства множества других стран, в том числе, Российской империи (а потом и СССР).

Затем в XIX в. через конкуренцию и взаимное подражание европейских держав, через продолжавшуюся колонизацию остального мира образцы сквозной государственности стали распространяться повсеместно.

В XX в. победа коммунистических режимов в России-СССР, Китае, остальных странах «соцлагеря» и фашистских режимов в Италии, Испании, Германии приводила к росту вездесущности государства, бюрократической подконтрольности поведения граждан.

Национально-освободительные революции, распад колониальных империй в 1960-х гг., последующие «бархатные» революции, распад «соцлагеря», СССР, Югославии с появлением десятков новых государств не сократили, а напротив – увеличили число, величину и амбиции национальных бюрократий.

Как видим, триумфальное шествие бюрократизации по планете во многом обязано революциям. Но и сами революции совершаются при разложении, ослаблении бюрократий, способствуют их распаду, а затем при восстановлении государства победившие революционеры учреждают новые, нередко более вездесущие и могущественные бюрократии.

Если бюрократизация имеет двойственный характер относительно успешности глобального исторического испытания, то революция доводит эту двойственность до самых крайних пределов. Если в некоторых постреволюционных режимах (Нидерланды, Великобритания, США) бюрократия была более или менее поставлена под контроль разделением властей, системой демократического представительства, свободной прессой, то во многих других случаях постреволюционные режимы стали диктатурами, где вся мощь бюрократического контроля направлена на развитие тоталитарных практик, а саму бюрократию правителям приходится дисциплинировать регулярными «чистками».

Подтверждается давняя мудрость о том, что в коренных преобразованиях следует стремиться не к установлению Рая на земле, а к недопущению Ада. Как ни странно это звучит, успех революций в плане самоиспытания человечества определяется скромностью их амбиций в установлении «всеобщего равенства, братства и счастья».

Секуляризация: противоречивая роль революций

Секуляризация заключается в лишении церкви монопольного господства в культурной, моральной, символической сфере, в лишении ее статуса главного легитиматора власти, политической системы и социальной иерархии. Идейным основанием секуляризации являются принципы свободы совести, веротерпимости, толерантности.

В мире существует, и, вероятно, всегда будет существовать огромное разнообразие религий, конфессий, сект, а также различных версий духовных, мировоззренческих, моральных течений, в том числе атеистических. Соответствующие малые локальные сообщества (приходы, общины, согласия, уммы, кружки), как правило, принадлежат типу *Gemeinschaft*, поскольку основаны не только на вере, убеждениях, но также на личных связях, доверии и солидарности. Сами эти общины являются выражением человеческой свободы, поэтому секуляризация, в отличие от бюрократизации, вполне однозначно способствует успеху самоиспытания человечества как гуманистического смысла истории.

Если церковь тесно связана с властью и элитами, участвует явно или неявно в поддержке эксплуатации, подавлении низших классов и сословий, то следует ожидать антиклерикальной направленности революционной идеологии, радикальной секуляризации при победе революции, либо жесткой клерикализации режима при победе реакции. Яркими примерами здесь служат Великая Французская революция и Реставрация.

Если же церковь или религиозные общины отделены от государства, встроены в повседневную жизнь широких слоев населения, оказывают помощь беднейшим, тогда

протестные и революционные движения включают религиозные настроения, идеи, лозунги и могут обретать форму сект, религиозного обновленчества или борьбы за освобождение гонимой и подавляемой веры. Подтверждением служит множество исторических явлений: от роли хилиазма в крестьянских войнах в Германии, в Английской революции, от антипапской Реформации XVI-XVII вв. – до религиозного компонента в освободительной борьбе Ирландии, в бархатных революциях в Венгрии и Польше 1989 гг., в исламской революции в Иране 1979 г., в активном участии «Братьев мусульман» в Египетской революции 2011 г.

Революции, таким образом, могут как вести к секуляризации, так и оборачивать ее вспять. Растет или сокращается свобода совести в новом режиме по сравнению со старым – таков важный критерий оценки революции: соответствует или препятствует она успеху глобального исторического испытания.

Авангардизм и традиционализм в культурном творчестве

Авангардизм понимается здесь как преобладающая направленность на новизну, небывалое и необычное в производстве образцов, продуктов культуры. Традиционные каноны и соответствующие культурные запреты, разумеется, противоречат принципу свободы, и в этом плане авангардизм как компонент модернизации соответствует успеху глобального испытания. Однако приверженность традициям, неприятие новшеств остаются весьма распространенными, они характерны для очень многих людей, которые имеют полное право иметь такие культурные установки. Поэтому революционное «сбрасывание с корабля современности» прежних культурных авторитетов, тем более запреты старых книг, старого искусства уже противоречат гуманистическому смыслу истории.

Если при старом режиме ограничивались или подавлялись новые, необычные течения, бросающие вызов устоям, то после победы революции следует ожидать период расцвета авангардизма в широком смысле. Таковы были рождение романтизма, отвергнувшего каноны классицизма после Французской революции, быстрая смена художественных стилей во Франции после Парижской коммуны, «Серебряный век» в 1910-е гг. в России, расцвет авангарда 1920-х гг. в СССР и Германии, в постреволюционные десятилетия в Мексике.

Когда же при консолидации нового режима правящие элиты получают монопольный контроль над культурным производством, то вероятны либо установление новых канонов, либо возврат к тем дореволюционным образцам, приверженность которым считается элитами в наибольшей мере легитимирующей их власть и привилегии. Таково было утверждение «социалистического реализма» и «сталинского классицизма» в 1930-е гг., таковой была и культурная политика Ирана после Исламской революции 1979 г.

Итак, лучшей позицией в отношении культурного творчества со стороны революционных лидеров и победителей опять-таки является скромность: ничего из старого не запрещать, но также ничего нового и ничего старого не навязывать в качестве принудительного канона. Наряду с отношением к свободе совести, такой критерий исторической оценки революций вполне правомерен.

Капиталистическая индустриализация – дитя революций и источник кризисов

Индустриализация означает, прежде всего, гораздо более интенсивное потребление человеческими обществами природных ресурсов благодаря использованию машин

и преобразованной энергии. Технический прогресс, будучи важнейшим компонентом модернизации, отчасти облегчая, отчасти рутинизируя труд, имеет хорошо известные негативные экологические следствия: от истощения ресурсов до деградации и загрязнения природного окружения. Как индустриализация, так и современные информатизация и роботизация, нейтральны в отношении глобального самоиспытания человеческого рода: при разных социальных условиях и политических режимах они могут служить как росту, утверждению свободы, достоинства, осмысленности жизни людей, так и их подавлению.

Нет сомнений также в двойственной роли главных черт капитализма: системы производства товаров и услуг благодаря заемным средствам в условиях более или менее открытых рынков капитала, земли и рабочей силы.

С одной стороны, высвобождение из сословных рамок, запрет на рабство и крепостничество, поощрение банковского дела (по контрасту с прежней дискриминацией ростовщиков), расширяющийся доступ к земле как основе любого материального развития могут способствовать росту свободы, равенства, достоинства людей.

С другой стороны, тем самым открываются возможности безудержной эксплуатации, роста и закрепления социального неравенства – таковы классические Марксовы претензии к капиталистическому обществу, которые, увы, не устаревают ни в национальном, ни в международном (геоэкономическом, миросистемном) масштабах.

Неслучайно наиболее бурно индустриализация стала разворачиваться в постреволюционных Нидерландах и Англии. Так называемые «буржуазные» революции, устраняя сословные, цеховые рамки, открывали рынок труда, приводили к взрывному росту бирж и банков, давали возможность третьему сословию участвовать в государственном управлении. Ранний капитализм при этом был полон напряжений, дисбалансов, жестокой эксплуатации, которые вели к кризисам и революциям нового «пролетарского» типа уже с антикапиталистической направленностью.

Индустриализация обычно сопровождается урбанизацией – массовым переселением сельского населения в города. Новый класс промышленных рабочих оказывается изъятым из прежнего жизненного уклада, контролируемого союзом церкви и землевладельческой знати. Концентрация рабочих в городах, рост эксплуатации, социальные напряжения, а также сохранение актуальности, популярности революционного дискурса, привели к распространению радикальных идеологий, волнам революций 1830-го и 1848-1849-х, 1870-го гг., существенным уступкам со стороны «старых режимов» и развитию парламентской демократии в ведущих западных государствах.

Политические и экономические элиты в обществах, находящихся в ядре мир-экономики (по И. Валлерстайну) и уже имеющих парламентскую систему, сталкиваясь с сильным рабочим движением, с крестьянскими бунтами, обрели эффективные инструменты их «замирения» через повышение заработной платы и закупочных цен, через расширение избирательного права, через идеологию «социального партнерства».

Традиционные монархии, находящиеся в полупериферийной части мир-экономики (в том числе, Российская империя), продолжали делать ставку, скорее, на силовое подавление. Буржуазия в таких обществах оставалась не консолидированной, не выработавшей чувства ответственности за политическую стабильность и не склонной поступаться прибылью для умиротворения недовольного рабочего класса и крестьянства. Соответствующее расхождение в итогах революций хорошо известно.

Режимы, установившиеся после победивших антикапиталистических революций, а также фашистских переворотов (между прочим, с массовой низовой поддержкой), обычно пытались начать ускоренную индустриализацию, особенно в области производства вооружений. Широкие образовательные программы, большое внимание этих режимов к науке и технологии вполне соответствуют вектору модернизации.

Для коммунистических режимов была чужда открытость рынков капитала, земли и труда. Фактическая государственная монополия на землю и природные ресурсы, подавление политической и экономической конкуренции, тем более прикрепление рабочих к заводам, крестьян к колхозам, означают крайнюю степень падения в аспекте обеспечения свободной и достойной жизни граждан.

В фашистских режимах открытость рынков и значительная степень экономической свободы сохранялись, но их эффект с лихвой перекрывался внешней агрессией, практиками репрессий и геноцида.

Близкие к революциям социально-политические кризисы в странах Запада 1968-1970 гг., особенно во Франции и США, выразившиеся в антивоенных протестах, в молодежных выступлениях с левыми, даже коммунистическими идеями, в движениях за расовое и гендерное равенство, не отменили главные черты капитализма, но способствовали совершенствованию *Gesellschaft* – системы формальных норм, административных порядков, смягчавших его негативные стороны.

Дальнейшее развитие капитализма с бурным ростом информатизации и роботизации, глобализацией рынков рабочей силы ведет к новым напряжениям, связанным уже с проблемами занятости, появлением масс «ненужного» населения. Сумеют ли главные *Gesellschaft* – национальные государства, а также международные союзы (типа ЕС) и организации (типа ООН, ВТО) – адекватно отвечать на грядущие вызовы и кризисы, покажет время.

Демократизация и коллегиальное разделение власти

В демократизации как части мировых процессов модернизации будем различать два действия: общеизвестное расширение избирательного права и малоизвестное коллегиальное разделение власти [Коллинз, 2015, с. 196–258; Розов, 2011, с. 366–403].

Коллегиально разделенная власть понимается как разделение властей (парламент и суд реально не зависимы от главы государства, правительства и его структур), дополненное реальной влиятельностью прессы, гражданских институтов, регионального руководства и преимущественно горизонтальным характером политических взаимодействий.

На нижнем полюсе воображаемого континуума коллегиальности находится централизованная иерархия подчинения во главе с автократом или несменяемой, никем не избираемой правящей группой («политбюро»). По мере увеличения коллегиального разделения власти (демократизации в данном аспекте) возрастает число коллегиальных структур и растет их доля власти в сравнении с властью центральной исполнительной и силовой иерархии.

Р. Коллинз приводит убедительные аргументы в пользу первостепенной значимости именно данной стороны демократии. При низкой степени коллегиального разделения и широком избирательном праве вполне комфортно себя чувствуют режимы типа

«электорального авторитаризма». По контрасту важнейшие признаки либеральной демократии – надежная защита прав и свобод граждан, собственности, соблюдение интересов меньшинств, экономическая свобода – с необходимостью предполагают не зависимые от центральной иерархии властные институты, прежде всего, судебную систему, свободные СМИ, местную и ответственную перед гражданами полицию, влиятельные гражданские организации.

Атлантические революции конца XVIII в. (во США и Франции) и «весна народов» в Европе середины XIX в. сделали республиканизм и демократию уже не скандальным разрушением священных устоев, а политическим идеалом образованного класса многих обществ в Европе, затем и за ее пределами. Республика и демократия, ценности и нормы которых закреплены во множестве конституций, также являются типичными *Gesellschaft*, когда массы населения по единым формальным правилам выбирают своих представителей в парламенты, а также верховных, провинциальных и городских правителей.

При этом растут возможности защиты собственных интересов у различных *Gemeinschaft* (в том числе, религиозных, этнических, расовых меньшинств). Происходит явное продвижение к большей свободе, достоинству индивидов, получивших голос в политической жизни. Пусть и нет гарантий счастья и осмысленности жизни (что вообще вряд ли возможно), но демократия и республиканизм, по крайней мере, дают для этого больше шансов тем, кто при их отсутствии влачил бы рабское, крепостное, униженное и бесправное существование.

Действительно, хотя рабство в США и крепостничество в Российской империи были отменены не в результате революционных событий, но сами идеи их отмены, возобладавшее понимание нетерпимости рабского состояния появились, без всякого сомнения, вследствие идей свободы, права, гражданского равенства – главных лозунгов предшествовавших революций.

XX век в плане революций как испытаний стал крайне противоречивым. Любая побеждающая революция характеризуется огромным вдохновением и энтузиазмом ее лидеров и участников восстания, всех сочувствующих. Как правило, в эти «великие дни» господствуют вполне благородные, максималистские мысли и чувства.

В классической триаде революционных лозунгов наряду со «свободой» и «равенством» присутствует также «братство». Если свобода и политическое, правовое равенство могут быть в каких-то пределах обеспечены формальными законами, институтами и процедурами – средствами *Gesellschaft*, то «братство» является очевидной претензией на превращение всей нации, всей страны в одну большую «семью» с родственными, т. е. теплыми и душевными, отношениями. Иными словами, лозунг «братства» претендует на превращение нации в единый *Gemeinschaft*. Однако наибольшее насилие, а, значит, и провал исторического испытания, происходит как раз там, где революционеры пытаются построить новый порядок как обширный *Gemeinschaft* с всеобщим «братством» (общенациональным – у якобинцев или вовсе глобальным у большевиков). Отнюдь неслучайно в итальянском и германском фашизме также прокламировались идеи «органичности», «корпоративного государства» (подобного большой семье), всепоглощающего, отвергающего индивидуализм единства («один народ – одна партия – один вождь»).

Показательно, что СССР и США как главные противники в «Холодной войне» охотно использовали революции, поддерживая их в чужом стане и подавляя в своем. Вначале

огромную активность проявлял СССР через «коммунистический интернационал» и его аватары, подавляя при этом революционные поползновения в собственном «соцлагере» (в Венгрии, Чехословакии, Польше). С середины 1980-х гг. США, как лидер западного блока, поддерживали морально, а иногда и организационно, антикоммунистические «бархатные» и «цветные» революции.

Множество черт симметрии не должно вводить в заблуждение. Если антикоммунистические, «буржуазные» революции не всегда, увы, приводили к устойчивым демократическим устройствам, ведущим к экономическому расцвету, повышению уровня безопасности, свободы, достоинства граждан, то коммунистические революции не приводили к ним никогда.

Революции могут вести к росту коллегиальности внутри государств, к включенности новых режимов в международную систему, но и к сужению коллегиальности – вплоть до единоличной диктатуры (т. н. постреволюционного «бонапартизма»), для которой типичны самоизоляция страны или попытки внешней агрессии, выхода за рамки международной связанности [Коллинз, 2015, с. 398–424].

Революции (наряду с радикальными или «ползучими» переворотами), в результате которых устанавливаются более авторитарные режимы с монопольной «вертикалью власти» вместо ее коллегиального разделения, с подавлением гражданской самоорганизации, репрессиями против оппозиции, возможностью безнаказанно отбирать собственность, являются провальными историческими событиями, ведущими к тупиковым ветвям социальной эволюции.

Демократия с коллегиальным разделением власти, сильным парламентом и независимым судом, контролирующим, в том числе, государственное насилие, а также со свободой создания организаций, открытым доступом к административным ресурсам через публичную конкурентную политику, с надежной защитой прав и свобод граждан, при сочетании гарантий частной собственности и открытости рынков, с заботой государства о равенстве возможностей является важнейшим достижением социальной эволюции и, по-видимому, вполне может на сегодняшний день считаться оптимальной моделью *Gesellschaft* (на уровне государства).

Соответственно, приближающие к этой модели (как к идеальному типу по М. Веберу) революции, предпочтительно мирные, или с минимальным насилием, способствуют успеху испытания человеческого рода – гуманистическому смыслу мировой истории.

Список литературы / References

- Голдстоун, Дж. (2015). Революции. Очень краткое введение. М.
Goldstone, J. (2015). *Revolutions: A Very Short Introduction*. Moscow. (In Russ.)
- Гусейнов, А. А. (1992). Этика ненасилия. Вопросы философии. № 3. С. 72–81.
Guseinov, A. A. (1992) *The Ethics of Nonviolence*. *Problems of Philosophy*, no 3, pp. 72–81. (in Russ.)

Дьяконов И. М. (1994). Пути истории. М.

Diakonoff, I. M. (1994). The Paths of History. Moscow. (in Russ.)

Кант, И. (1994). Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Кант И. Сочинения. Т. 1. М.-Марбург. С. 79–123.

Kant, I. (1994). Idee zu einer Allgemeinen Geschichte in Weltbürgerlicher Absicht. Kant, I. Aufsätze. Vol. 1. Moscow-Marburg. pp. 79–123 (In Russ.)

Коллинз, Р. (2015). Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.

Collins, R. (2015). Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run. Moscow. (In Russ.)

Куртц, П. (2000). Гуманистический манифест: призыв к новому планетарному гуманизму. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5469/5473> (дата обращения: 27.05.2021).

Kurtz, P. (2000). Humanist Manifesto: A Call for a New Planetary Humanism. [Online]. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5469/5473> (Accessed: 27 May 2021). (In Russ.)

Норт, Д., Уоллис, Дж., Вайнгаст, Б. (2011). Насилие и социальные порядки. М.

North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2011). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow. (In Russ.)

Розов, Н. С. (2002). Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/index.htm> (дата обращения: 27.05.2021).

Rozov, N. S. (2002) Philosophy and Theory of History. Book 1. Prolegomena. Moscow. [Online]. Available at: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/index.htm> (Accessed: 27 May 2021). (in Russ.)

Розов, Н. С. (2011). Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.

Rozov, N. S. (2011). Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in 21st century. Moscow. (in Russ.)

Розов, Н. С. (2016). Идеи и интеллектуалы в потоке истории. Макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск.

Rozov, N. S. (2016). Ideas and Intellectuals in the Flow of History. Macrosociology of Philosophy, Science and Education. Novosibirsk. (in Russ.)

Скочпол, Т. (2017). Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.

Skocpol, T. (2017). States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Moscow. (In Russ.)

Структуры истории (2001). Альманах «Время мира». Вып. 2. Новосибирск.
Structures of History (2001). Almanac "Vremya Mira". Vol. 2. Novosibirsk. (In Russ.)

Тилли, Ч. (2009). Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.
Tilly, Ch. (2009). Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Moscow. (In Russ.)

Тойнби, А. (1991). Постигение истории. М.
Toynbee, A. (1991). A Study of History. Moscow. (In Russ.)

Чёрный, Ю. Ю. (2003) Современный гуманизм. Философия в XX веке. Сб. обзоров в двух частях. Т. 2. М. С. 125–167.

Chiornyĭ, Yu. Yu. (2003) Modern Humanism. Filosofiya v 20-m Veke. Reviews in two parts. Vol. 2. Moscow. pp. 125-167 (in Russ.).

Шарп, Дж. (2012). От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.

Sharp, J. (2012). From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: nrozov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

Статья поступила в редакцию: 19.03.2021

После доработки: 30.05.2021

Принята к публикации: 07.06.2021

Rozov, Nikolai S. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Principal Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str, 8, e-mail: nrozov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

The paper was submitted: 19.03.2021

Received after reworking: 30.05.2021

Accepted for publication: 07.06.2021